

Не ангелы

Осьминина Вероника

16+

Вероника Осьминина

Не ангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63930042

SelfPub; 2021

Аннотация

Говорят, сломанных не собрать обратно живыми людьми, и они пустыми, полностью потерянными в этом мире остаются. У каждого человека своя боль удавкой на шее, кинжалом в рёбрах. Задыхаясь от чувства мести, одиночества, любви и желания быть с теми, кто тебя всегда ненавидеть будет, они эту жизнь извращённой усмешкой считали. "Перед внутренним взором калёным железом выжгли, кажется, юношу хрупкого, изломанной куклой сейчас на его диване свернувшегося в клубок тесный, и глаза заплаканные в подушке прячущего. Горло удавкой душит. Он этот мир не-на-ви-дит. С его губ рык почти звериный срывается".

Содержание

Книга первая	4
Пролог. Стук капель	6
Шелест листьев	11
Плач ветра	16
Не задохнуться	32
Не страшно?	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вероника Осьминина

Не ангелы

Книга первая

“Родственные души – не просто любовники”.

От автора

В этой работе присутствует глубинная эмпатия, пусть и с элементами мистики. Чтобы вам было проще понять, привожу здесь отрывок из открытой статьи Интернета.

«Эмпатия – это понимание другого человека, основанное на сопереживании. С помощью эмпатии человек может чувствовать на глубинном уровне, как ощущает, видит, понимает себя другой человек. Эмпатия не связана с логическими умозаключениями, она основывается на чувствах и эмоциях.

Эмпатия – это переживание чужого сознания. Психологи связывают способность к эмпатии с зеркальным принципом работы мозга. Когда мы наблюдаем какое-то состояние или действие другого человека, в нашем мозгу активируются те же области, как если бы мы чувствовали и действовали сами».

Пролог. Стук капель

Дождь окутывает тонкой тканью тоски, монотонно стуча по стеклу и всё сильнее размывая осеннюю грязь. Когда-то яркие и пёстрые листья сейчас тонут в лужах, теряя все свои краски.

– Ты считаешь, что достоин более высокой должности? – задумчиво и чуть устало тянет Сергей, глядя в окно ничего не выражающим взглядом.

– Да, – тут же отзывается Ярослав, не разделяя всеобщий тягучий настрой. – Я достаточно долгое время посвятил раскрытию простых преступлений и имею немалый опыт. Не хочу завышать свои способности, но мне вполне легко удаётся выстраивать логические цепочки.

– Однако ты ещё слишком молод для того, чтобы двигаться дальше по карьерной лестнице. В этом мире есть свои негласные законы, ты же понимаешь...

– Я понимаю, но и вы поймите меня – я не намерен всю жизнь питаться воздухом только из-за того, что сыновья и внуки более старших меня по должности ещё не заняли удобные им места! – голубые глаза гневно сверкают из-под тёмной чёлки, выдавая истинный норов души их хозяина.

– Я сделаю вид, что не слышал этого, – всё также безразлично отзывается Сергей.

– Простите, я сорвался, – едва не шипя, цедит Яр сквозь

сжатые зубы. – Но от своих слов отказываться не намерен.

– Хорошо, – неожиданно соглашаясь, кивает начальник своим мыслям. – Тогда... Я дам тебе дело. Если раскроешь его за... месяц-полтора, то я лично позабочусь о твоём повышении. Но если завалишь – даже больше не заикайся об этом.

– Я согласен.

Ярослав сидит в небольшой кафешке, грея руки о чашку с кофе и глядя в окно пустым взглядом. На улице всё ещё идёт сильный дождь, монотонно стуча по крышам домов, навевая глухое чувство безысходности и вынуждая устало сгорбиться плечи. В мыслях звучит недавний разговор.

– Уже на протяжении года в самое разное время в нашем городе совершаются убийства, объединённые общим почерком. Жертв находят по утрам – убийца всегда действует ночью – и с единственной колотой раной между рёбер. Нет никаких следов другой жестокости – удар один. Кто-то действует точно и наверняка. На месте преступлений никогда не остаётся никаких улик, в выборе мест тоже нет ни единой зацепки, как и в выборе жертв. Однако, слишком ясно прослеживается один и тот же убийца – ножевое ранение в одно и то же место и всегда ночью.

– Сколько убито таким образом? – тонкие пальцы легко, но немного нервно перебирают бумаги из стопки.

– За год – полсотни.

– Много, – внешне спокойно констатирует факт Яр, внутренне вздрагивая от холода цифры. – И до сих пор у полиции нет никаких мыслей?

– Ничего. Обычно убийцы всё же оставляют хоть какой-то след, а здесь... Нет ничего. Совсем. У человека словно заложена в голову цель – убить сразу и наверняка.

– Может что-нибудь всё же объединяет его жертв?

– Нет. Мужчины, женщины, блондины, брюнеты, карие глаза, серые, зелёные, голубые... Разве что – детей ни разу не трогал.

– То есть полиция уже год не может разрешить эту загадку, а мне вы даёте на неё полтора месяца? – уточняет Яр с тихой иронией, выгибая бровь.

– Да, – ровно раздаётся в ответ. – Ты сам согласился.

Усталость после целого дня изучения кипы бумаг, собранных по этому делу и не несущих практически никакой важной информации, наваливается внезапно, выбивая последние силы. Переведя чуть ошоловелый взгляд в зал кафе, Ярослав стал без особой цели изучать находящихся в нём людей.

«Кто может быть этим преступником?», – ставшая навязчивой за этот день мысль назойливо вертится у него в голове, въедаясь, кажется в самую кровь, – «Почему он или она убивает? Это не маньяк, который хочет насладиться страданиями жертвы, не человек с желанием отомстить какому-то

определённому типу людей, не тот, кто убирает со своего пути врагов, чем-то мешающих. Этих людей между собой вообще ничего не связывает – от домохозяйки до начальника элитной компании. Может, это всё же разные убийцы? Но этот удар – один и сразу смертельный... Ведь кто угодно может оказаться как убийцей, так и его следующей жертвой. А может даже и, по насмешке судьбы, этот самый убийца сейчас находится здесь, рядом со мной».

За соседним столиком сидит девушка хрупкого телосложения с короткими светлыми волосами и что-то увлечённо рассказывает только что присоединившемуся к ней парню с тёмными прядями волос, которые причудливо мешаются со светло-русый оттенком. Он рассеянно улыбается ей, явно слушая вполуха.

На другом конце зала за разными столиками сидят ещё двое женщин. Одна из них – высокая шатенка с глубокими тёмными глазами – всё же чувствует изучающий её взгляд, но в ответ лишь грустно улыбается, взглянув на Ярослава, словно говоря: «Что, тоже трудный день? Ну ничего у всех бывает, переживём». А вторая – явно ещё студентка с ярко-фиолетовыми волосами – не отрывается от своей тарелки с супом, наверняка обжигая горло от спешки.

В небольшом уголке, где играют музыканты – двое скрипачей и один пианист – пара медленно кружится в танце. Их движения плавные и даже несколько ленивые. Они видимо тоже, как и все, безумно устали от этого дня и сейчас пыта-

ются хоть как-то отвлечься. По спине девушки мягко струятся русые волосы, отливающие темноватым рыжим оттенком. У её партнёра чёлка то и дело падает на лицо, будто пряча своего хозяина. Он тоже невольно чувствует прикосновение чужого взгляда и оборачивается, лишь на миг пересекаясь с голубыми глазами Ярослава и тут же снова обращая внимание на о чём-то спросившую его девушку.

«Ну и что же я имею? На данном этапе – вообще ничего. Убийцей, исходя из тех данных, которыми я располагаю, с вероятностью в одну миллионную процента может быть каждый человек этого земного шара. Хоть та наслаждающаяся стипендией студентка, хоть этот парень с усталым серым взглядом, хоть его девушка с тёплым рыжим отливом в волосах. Нужно попробовать начать всё сначала, потому что те факты, к которым пришли мои предшественники, могут оказаться неверными и только запутать меня».

Порассуждав таким образом и допив кофе, Ярослав расплачивается и выходит из ресторана, натягивая капюшон. Дождевые капли методично стучат по не промокающей ткани, словно пытаясь навечно вбить куда-то вглубь черепа: «Это твой единственный шанс. Не упусти его».

Шелест листьев

Прохладный, осенний ветер легко скользит по оголённым ветвям деревьев, срывая последние яркие листья, и почти неощутимо касаясь и без того растрёпанных волос сидящего прямо на земле человека. Едва ли тот это замечает.

Тишина кладбища нарушается лишь шорохом ломких листьев и дыханием одиноко скорбившейся возле достаточно свежей могилы тонкой фигуры. Бледные пальцы беспорядочно вырисовывают на земле различные узоры, с каждой секундой двигаясь всё более отрывисто, более резко. Наконец, никому невидимая, но натянутая до предела, нить беззвучно рвётся – юноша болезненно выворачивает лопатки, задерживает на миг дыхание... и тихо всхлипывает. Слезы начинают бесконтрольно течь, вынуждая захлёбываться ими и горьким криком, что беспощадно дерёт грудь изнутри. Голубые глаза распахиваются, в невысказанном ужасе глядя прямо перед собой, но они явно видят не мёртвую землю кладбища.

Ярослав вспоминает.

Одновременно грациозная и уверенная в каждом своём движении, каждом жесте изящных рук. Она, не задумываясь, тратила своё время, если чувствовала, что человеку рядом плохо. А чувствовала она – всегда.

– Лишь ты могла понять меня. – тихим шёпотом с сухих губ.

Глаза, в которых был заключён осколок чистого ночного неба, никогда не покидали тепло и всепоглощающая нежность, если она смотрела на него. Она могла согреть, прикоснувшись одним лишь взглядом.

– Я виноват, только я, – словно в каком-то бреду.

Он узнал только утром, придя в отдел и увидев новые сводки об убийствах. Не поверил, бросился на место, указанное в бумагах. Там уже всё было оцеплено и следователи тщательно изучали каждый клочок асфальта. Увидев его, один бросил:

– Ярик, ты как по зову наших мыслей явился. Это по твоему делу.

– Что? – переспросил он, подходя ближе и ничего толком не слыша из-за стука собственного сердца, отдающегося в ушах.

– Ночью была убита девушка. Снова один ножевой удар между рёбер. Ведь это поручили разбирать тебе...

– Ты видел девушку?! – едва не задыхаясь, почти срываясь на крик.

– Да. Её...

– Как она выглядела?!

– Эй, Яр, тише. Ты чего...? Хрупкая, невысокая, – тут же стал перечислять парень, заметив явный отголосок безумного огонька в голубых глазах стоящего напротив. – Волосы чёрные, до лопаток где-то.

Больше Яр не слушал. С едва слышимым стоном, полным звериного отчаяния, от которого одного из проходивших мимо следователей перетряхнуло дрожью, он сорвался с места, проклиная самого себя и ненавидя в тот момент весь мир, который опасно покачнулся, словно потеряв опору, удерживающую его.

– Я не уберёг.

Последующие дни были словно заволочены туманом. Он смутно помнил, как стал просто жить в своём кабинете, в прямом смысле слова заиклившись на единственной цели – найти этого человека и убить. Своими руками задушить. Глотку зубами разодрать и смотреть, как из того будет медленно утекать жизнь.

Яру было плевать на первоначальный смысл этого дела – просто добиться повышения – теперь это стало личной мстью. Он всё больше отдавался во власть чувств и боли, в итоге всё же потерявшись в вихре своих эмоций. Яр очнулся на миг от своего забытья, лишь чуть не выцарапав глаза начальнику отдела, который зашёл сказать, что его от-

страняют от этого дела, поскольку ему необходим отдых.

В тот же день его уволили.

Только это ничего не поменяло.

– Ведь всё должно было обернуться не так! Не так!

Ярик руками бессильно по земле скребёт, падая на ковёр из сухих листьев. Ему кажется, что он до мгновения помнит, как всё начиналось, и это не могло, просто не могло обернуться *так*... Яр жмурится болезненно, во власть воспоминаний отдаваясь.

Ярик чуть сорвано и хрипло дышит, сжимаясь в комок на холодной, мёртвой земле. Он совершенно потерялся в этой жизни. Держаться стало не за что и не за кого, а постепенно мутнеющий разум нисколько не способствовал желанию жить дальше. Яр почти не ощущает ледяных капель уже давно начавшегося дождя.

А где-то в это же время мужчина идёт по улице, мечтая как можно скорее оказаться в своей сухой и тёплой квартире. Дождь бесконечно утомил его за прошедший день и вынудил насквозь вымокнуть по пути домой.

Фонари привычно горят через один, не особенно разгоняя ночной сумрак, а стук капель по капюшону лишает ещё и слуха как такового, поэтому чужая рука, сжавшая его плечо на миг, невольно заставляет мужчину отскочить на добрый метр.

– Вы чего так пугаете? – бормочет он, поняв, что это был

просто какой-то прохожий, неуверенно замерший рядом и словно не решающийся подойти ближе. – Хотели чего-то?

– Да. Мне нужна ваша помощь, – перекрикивая шум дождя, отзывается тот, делая шаг вперёд и постепенно подходя почти вплотную.

Отточенное, резкое движение, и в тот же миг раздаётся хриплый вскрик.

Дождь продолжает лить свои капли, смешивая их с алой струёй.

Плач ветра

– Ты не собираешься отсюда уходить? Уже ночь.

Голос касается тихо и даже мягко, но среди поистине мёртвой тишины всё же режет воздух слишком сильно. Ярик невольно вздрагивает, резко оборачиваясь и с удивлением отмечая краем сознания, что вокруг действительно стемнело. Он снова потерял счёт времени, уйдя в свои мысли слишком глубоко.

Когда глаза немного привыкают к полумраку, Яр наконец может увидеть юношу, стоявшего за его спиной. Они явно не были знакомы, но что-то странно скребётся на задворках памяти, отражаясь в тёмно-зелёных радужках.

– Почему тебя это интересует? – Ярик решает не церемониться с обращениями, поскольку счёл нарушителя своего спокойствия своим ровесником.

– Потому что ты здесь с самого утра и приходишь почти каждый день. Не стоит столь часто навещать мёртвых, твоё место среди живых.

– Кто бы говорил, – безрадостно усмехается Яр. – Ты сам тут едва ли не живёшь.

Яр всё же полностью продирается сквозь пелену, окутавшую все события минувшего месяца. На это кладбище почти никто не ходит, но в одном из уголков стоит, судя по виду, кажется, со дня основания этого места, небольшая лавочка,

на которой почти всегда сидит этот юноша, сливаясь с тенями и пребывая мыслями очень далеко от земной жизни – это легко заметить по всегда задумчивому выражению, застывшему в его глазах. Ярик с уверенностью может сказать, что за время его приходов сюда, «тени» не было только несколько раз. А приходил он... часто.

– Я, это другое, – несколько отрешенно отзывается юноша, – а тебе всё же стоит уйти. Ты весь дрожишь.

– Оставь меня, – бесцветным голосом, в котором не проскальзывает ни намёка на хоть какие-то эмоции, просит Яр, обхватывая себя руками за плечи.

В воцарившейся тишине Яр снова слышит лишь своё дыхание, но он нутром чувствует чужое присутствие. Тёплая ладонь, на миг сжавшая его плечо, и чуть хриплый, словно задушенный голос вынуждают его дёрнуться.

– Прошу, не сломись.

Ярик оборачивается торопливо, но успевает увидеть только удаляющийся силуэт.

Особенно сильным порывом, ветер срывает целую охапку шуршащих листьев.

Ярик снова стоит здесь, в этом проклятом для него месте, чувствуя, как изнутри, медленно разгораясь, поднимается нечто, ранее им неиспытанное. Всё тело бьёт крупная дрожь, вынуждая сгорбиться, пытаюсь хоть как-то уменьшиться, спрятаться. Только от кого прятаться среди совер-

шенно безлюдных мест?

От самого себя.

От своих мыслей.

От своей слабости.

Внутри словно резко затягивают тугой узел, выкручивая мышцы и выбивая болезненный вскрик из худого тела. Ярик падает на колени, прижимая руку к груди и надеясь хоть так удержать сердце, которое грозитя проломить рёбра. Воздуха становится отчаянно мало, и он пытается глубоко вдохнуть, но выходит лишь хриплый стон.

Страшно.

Раньше ломало, было больно, но не до такой степени. Тёмно-синие глаза не раз звали за собой, манили, будто разрешали сдаться и уйти из этого мира, но в последний момент видение исчезало, спугнутое каким-нибудь человеком или шумом.

Теперь же рядом остаётся только ветер, который печально воет среди голых ветвей, со всей силы врезаясь в разум Ярика и отдаваясь там её голосом. Он зажмуривается, отгораживаясь от реальности и отдаваясь во власть измученного разума.

Ярик царапает землю, ломая ногти и тихо поскуливая побитой собакой. Ему безумно хочется умереть прямо здесь, избавиться от каждодневных видений и не отпускающей, раздирающей на части, боли в груди...

Он сам себе противен.

Какая-то струна внутри него натягивается до предела, он

чувствует это, но не может понять, почему всё же цепляется за неё. Зачем он сам продлевает свои мучения, что изощрённый способ мазохизма? Ведь можно просто позволить наконец разуму отключиться, позволить безумию окончательно вступить в свои права, нужно только...

Чьи-то руки до боли сжимают его плечи, резким движением поднимая его на ноги. Яр качается от неожиданности и снова начинает падать безвольной куклой, но ему не дают этого сделать. Спустя миг он оказывается прижатый к чужой груди и ограждённый от реальности прочным кольцом сильных рук, не дающих вырваться.

Ярик не до конца осознаёт свои действия. Он то пытается высвободиться, то сминая под своими пальцами чужую рубашку, словно пытаясь удержаться от падения в разверстую под ногами бездну. Слезы бесконтрольно текут по его щекам, сдавленные всхлипы отчаянно давят на горло, не давая вдохнуть. Захлёбываясь в собственной боли, Яр, не выдержав, срывается на крик, наполненный болезненной горечью, столько времени раздиравшей изнутри и столь упорно сдерживаемой.

Когда голос срывается, превращая крик в сиплых всхлипы, Ярик невольно чувствует, что становится легче. Намного. Он словно наконец выплеснул всё то, что накопилось внутри, разъедаая кровь ядом. Силы резко покидают его, и он упал бы, не держи его стоящий рядом человек.

Он робко поднимает взгляд, желая и одновременно боясь

узнать, кто не дал ему переступить роковую черту и вместе с тем увидел его совершенно жалким, слабым, склонившимся перед судьбой и уставшим с ней бороться.

В потемневшей зелени напротив таится явная настороженность, смешанная с невысказанной болью, совершенно Ярику непонятной.

– Зачем? – хрипло выдыхает Яр, отступая на шаг назад.

– Тебе ещё рано ломаться, – едва слышно отзывается юноша, отпуская его, но пристальным взглядом словно продолжая держать.

– С чего ты за меня решил? А если я хотел этого?! – он и сам не замечает, как осипший голос взлетает на несколько октав.

– Этого? – горько усмехнувшись, уточняет тот, дёрнув головой в сторону.

Ярик следует за его взглядом и не сдерживает тихого вскрика, увидев человеческую тень на том месте, где он чуть ранее раздирал ногтями землю. От тени ощутимо веет потусторонним холодом, который вынуждает съёжиться в тщетной попытке спрятаться.

От страха подгибаются колени, и Яр снова оказывается на земле, но теперь он больше всего на свете мечтает как можно скорее исчезнуть, убежать. Тень кажется настолько реальной, что сомнений в её присутствии здесь не остаётся.

Истерика подкрадывается слишком быстро, накрывая, оглушая. В ней исчезнуть очень просто – только в руки холо-

да отдаться. Но снова иная рука плечо сильно и даже жёстко сжимает, рывком одним на ноги поднимая и оттаскивая в сторону.

Яр брыкаться пытается, но повисает вскоре безвольной куклой, подчинившись. Силы его покидают резко, а в душе и мыслях появляются опустошение и безразличие. Ярику может и стало бы жутко от контраста собственных чувств, если бы он их осознавал.

Но ему неожиданно становится совершенно всё равно на происходящее вокруг. Он словно выпадает из этой реальности, потерявшись в самом себе. Ему и возвращаться не хочется нисколько – там боли не существует просто, ставшей с недавних пор вечной спутницей.

Но всё же он приходит в себя. На скамейке, в парке, ему совершенно незнакомом. Вздрагивает невольно, почувствовав резкий толчок изнутри – осознание накрывает яркими вспышками, освещая то один миг из только что случившегося, то другой.

Ярик чуть не задыхается, вспомнив безумие, которое к земле его пригнуло, сломить грозясь и унося куда-то в небытие. Его страх прошивает – а если бы он действительно разум потерял? Ему бы тогда просто существование осталось. Оболочка без чувств и эмоций...

И тень та. Реалистичная настолько, будто воистину стояла рядом. Неужели это было взаправду или он уже начал сходиться с ума?

Но он не хочет. Нет! Он не хочет умирать раньше, чем найдёт того убийцу и свои пальцы на его горле сомкнёт! Он не уйдёт, не отомстив.

Очередная вспышка воспоминаний снова перетряхивает его судорогой и... неожиданным тёплым прикосновением среди холода того мёртвого. *Живым* прикосновением.

Яр воздух носом втягивает резко, голову поворачивая слишком внезапно и слыша, как суставы болезненно хрустят.

Этот человек сидит рядом, просто Ярик не замечал его, как и вообще всё вокруг.

Ярик настороженным зверем замирает, на юноше всё своё внимание сосредоточив. А тот сидит, согнувшись, локти в колени уперев и лицо в ладонях спрятав. От напряжения, с трудом сдерживаемого, его порой дрожью мелкой прошивает. Ярику кажется, что он даже вибрирующее в горле рычание тихое слышит. Юноша неожиданно пальцами себе в волосы, светло-русые, зарывается, вцепившись в них так, что белеют костяшки пальцев, и лопатки болезненно выворачивает.

Яр и сам не замечает, как рука к нему тянется. В себя он приходит уже, когда свои тонкие пальцы осторожно сжимает на чужом плече. Два острых желания борются почти что на смерть – отдёргнуть руку, вскочить, убежать подальше и позвать, встряхнуть несильно, помочь хоть как-то попытаться.

Внутренний спор так и не разрешается, ибо юноша голову скидывает резко, глазами хвойными тут же за него цепля-

ясь и вглядываясь пытливо. Яр взгляд опускает невольно. Не смог чужого силу выдержать. Руку всё же отдёргивает. Резковато даже. Словно обжёгся.

– Ты как?

Голос всё такой же вроде, уже (как странно!) привычным даже кажется почему-то... Но что-то неуловимо поменялось в нём – будто надлома нота теперь слышится, боли невысказанной и столь упорно душимой внутри себя. Ярик голову поднимает, из-под упавшей на лицо чёрной чёлки всё ещё настороженно на своего нового знакомого глядя, и словно, спрятаться пытаюсь за ней.

– Мне страшно, – честно шепчет он в ответ.

Ярик сам пугается своего ответа и сиплого, охрипшего голоса, и слов, которые он не хотел говорить. Нет, это чистая правда – именно так он себя сейчас ощущает – но это сорвалось с его губ не по его воле, а будто по чужой. Ему кажется, что в ответ на растерянность, наверняка отразившуюся в его взгляде, в глазах юноши мелькает едва заметная добрая усмешка. Но лишь на миг, снова скрываясь за чуть потемневшей зеленью.

– Я, Саша.

– Ярик, – чуть помедлив отзывается он, сжав протянутую руку.

Саша руку несколько поспешно отдёргивает, улыбнувшись чуть виновато, но Ярик всё равно успевает почувствовать то тепло, пробежавшее от чужой ладони с узлами вы-

пирающих вен, которое согревает его от кончиков пальцев, коснувшись, кажется, даже вымороженной изнутри души.

– Пойдём куда-нибудь в тепло, ты замёрз.

Яр в безмолвном изумлении смотрит на Сашу, взглядом говоря: «И после всего произошедшего, ты говоришь это?».

– Дрожишь весь, – мотает головой Саша, поднимаясь на ноги и задумчиво глядя на него сверху вниз.

– А...?

– После, – обрывает его вопрос Саша, нетерпящим возражения голосом.

Нет, он конечно мог остаться и дальше сидеть здесь, мог и пойти домой, но что ждёт его в таких раскладах? Снова одиночество и безумие, которое давно ломает его, а он ведь ещё и поддавался всё это время... Теперь же ко всему этому добавится ещё и добрая сотня вопросов, ответы на которые он за всю свою жизнь найти не сможет. В этом Ярик был уверен, как ни в чём.

Вот только он давно потерял веру в то, что в этом мире есть люди, которым не наплевать на совершенно чужого человека, которому плохо, которому боль рёбра выламывает, смертельные осколки в сердце вонзая и вкус крови по горлу пуская. А после смерти Иры... Верить хоть во что-то, а уж тем более кому-то, расхотелось окончательно.

Он встаёт молча и идёт вслед за уже отошедшим на несколько шагов юношей, появившемся в его жизни слишком странно. У любого человека в голове сейчас теснились

бы тысячи мыслей, вопросов, сомнений, но Яра снова накрывает безумная усталость и апатия. Этот приступ истерики выбил слишком много сил. Почти все.

Их хватает лишь на то, чтобы идти, не натыкаясь на встречных прохожих и несколько бездумно разглядывая спину человека, которому почему-то оказалось не всё равно.

Где-то на периферии начинают мелькать отдалённые мысли: «...он оказывается выше меня, а мне казалось, что мы одинаковые... хотя он просто почти всегда сидел... и в плечах шире будет... но всё равно до жуткого хрупкий какой-то... даже ломкий... только в глазах сила такая, что её не признать невозможно...»

В кафе, в которое они сворачивают, теплее не становится. Дрожь всё также продолжает бить, но теперь Ярик слишком отчётливо её ощущает, как и то, что он в одной кофте. С него вообще как будто сдёрнули какую-то вуаль, под которой он пребывал всё время после... Того случая.

Он впервые за всё это время хочет есть, впервые слышит звуки окружающего мира настолько чётко, впервые замечает всю суматоху этого мира... Он уже стал забывать обо всех этих простых и обыденных вещах, и сейчас они кажутся чем-то необычным и даже несколько неземным.

Вот только причину столь неожиданно пробуждения, если это так можно назвать, он не понимает.

Ярик одну руку неосознанно в кулак сжимает, а другой, пальцами выстукивает нервный ритм по столешнице. Саша

сидит напротив него, развалившись в несколько ленивой позе и рассеянно скользя взглядом по залу.

Ярика от его вновь возвратившейся спокойности потряхивает невольно. Как вообще можно настолько наплевательски относиться ко всему произошедшему? Он что каждый день людей от преступления грани безумия спасает, тени из потустороннего мира отгоняет, а после сидит и ведёт себя так, будто ничего такого не случилось?!

– Ты всё же объяснишь, что произошло? – не выдерживает он наконец.

Но в ответ получает лишь чуть прищуренный и всё такой же спокойный взгляд несколько посеревших зелёных глаз. Саша голову на бок наклоняет немного, словно изучая его, будто зверя диковинного.

– Ты едва не сорвался в бездну собственного безумия. Хотя я и предупреждал тебя, – будничным тоном отзывается всё же тот, жестом подзывая официантку.

Александр заказывает им обоим кофе и снова поворачивается к Ярику, смотрящему на него взглядом, в котором смешано всего два вопроса, легко читаемые для Саши: «Я сошёл с ума?» и «Он вообще нормальный?». Саша лишь только усмехается, чуть вздёргивая подбородок.

– Почему ты вдруг решил вмешаться в мою жизнь? Я не просил.

– А почему ты столь упорно держался над пропастью, не желая разжимать пальцы? – вопросом на вопрос отвечает

Саша, кивком головы благодаря официантку и толкая Ярику по столу чашку. – Пей. Замёрз ведь.

– Прекрати же говорить загадками! – Ярик вздрагивает невольно, чувствуя злость в груди зарождающуюся.

Но он взгляд свой столь же быстро опускает, сколь и вскинул мгновением раньше. Яр сам себя пугается невольно. Он словно над своими эмоциями контроль теряет, и те главенство берут себе. Он чашку всё же в ладонях сжимает и пьёт медленно, вкуса не чувствуя. Зато тепло разливается, согревая хоть немного. Жаль только пустоту из души этим не вытравить.

– Ты говоришь так, словно... Словно в каком-то другом мире живёшь. Не этом. Не реальном.

В ответ раздаётся лишь тишина, и Ярик голову поднимает, на юношу напротив глядя. Тот губы, несколько полные для мужчины, поджимает.

– И снова ты молчишь. Зачем же спас, если сейчас просто молчишь? Да зачем я вообще тебе сдался?!

– Тише, – неожиданно мягко говорит Саша, руки примирительно вскидывая. – Не злись. Прости, я действительно слишком туманно говорю, но я привык так. Я захотел помочь тебе, потому что ты настолько изломанным показался и при этом потеряннным каким-то...

– Хочешь сказать, в мире таких людей мало? – Ярик бровь тонкую недоверчиво выгибает.

– Таких много... наверное.

– Наверное? – Яр совсем теряется, неуверенность в его голосе слыша. – Ты...? Я не понимаю.

– А может... и не надо? – Саша снова едва заметным движением, едва заметной нотой в голосе зажимается. – Слушай, я тебя вытащил просто потому, что захотел. Прости, что в жизнь твою вмешался. Больше не буду, обещаю. Я, пожалуйста, лучше пойду.

Саша официантке деньги протягивает, поднимаясь торопливо. Яррик медлит лишь мгновение, колеблется, но вскакивает, догоняет его на улице уже. На плечо руку кладёт, вынуждая того вздрогнуть невольно.

– Я... – он совершенно не знает, что сказать, когда вновь с внимательной и какой-то нечеловеческой хвоей встречается. – Я спасибо сказать хотел. Извини, я не понимаю, что со мной творится. Я теряюсь будто. Ты спас меня. Я, наверное, просто с ума бы сошёл.

– Но что тебя держит в этом мире? Я так понял, что ты потерял...

– Мсть, – рычит Яррик, не дав Саше договорить, и поздно язык прикусывая.

– Мсть? – в чужом голосе и взгляде ноты настороженности проскальзывают, но бровь с лёгкой иронией выгибается. – Прости, но ты как мстить собрался, если с кладбища не выходил?

Ярик тушется, ёжится невольно, зажимается снова. Он в двух словах это объяснить не сможет, а подробную повесть

своей личной боли пока не особенно готов случайному знакомому поведать.

– Почему ты до сих пор вообще со мной возишься? Тебе это нормально?

– Что именно?

– Я же на душевно больного больше всего по виду тяну, а ты всё пытаешься понять меня. Ну зачем?! – Ярика снова на последнем предложении переламывает, дрожью по хребту прошивает, вновь подступающей истерикой глушит по голове.

Саша замечает это, ближе подходит, в глаза вглядывается пристально. Ярику кажется, что он даже если бы очень сильно захотел, не отвёл бы взгляда. От юноши, на вид обычного, слишком силой какой-то веет. От него не то спрятаться хочется, не то напротив спрятать попросить.

«От кого? Ярик, от кого ты прятаться собрался?! От самого себя уже давно бесполезно!», – Яр от собственных мыслей вздрагивает невольно.

– Пойдём со мной, если хочешь, – говорит неожиданно Саша, тихим шёпотом выдыхая следом так, что Яр решает, будто ослышался, – Я об этом пожалею.

– Куда? – уточняет Ярик, не обращая внимания на разум, отчаянно что-то кричащий в самом дальнем уголке сознания.

– Ко мне домой. Приглашаю тебя на душевную беседу, если так можно сказать, – у Саши в голосе снова насмешка

добрая появляется.

– И ты не боишься? Я вообще-то меньше часа назад в приступе истеричном бился.

– А ты не боишься идти не пойми куда не пойми с кем?

Ярик первый в их безмолвной схватке взгляд опускает, усмехается горько, головой мотает.

– Ты уже точно мне больше не сделаешь. Даже если очень постараться.

Саша вздрагивает, взгляд короткий и странный на него бросает и вперёд идёт, слыша шаги за спиной тихие.

«Я об этом пожалею», – мысленно повторяет он.

Но Саша об этом не просто жалеет, много позже из квартиры своей вылетая и дверью едва не хлопая, он себя клянёт на всех известных ему наречиях. Он воздух ночной, холодный глотает жадно, глаза закрывает, жмурится до цветных пятен под веками. В груди так привычно болью дерёт.

Он устал, устал, устал-устал-устал!

Капли дождя рядом падают сначала редкие, потом более частые и крупные. Саша голову назад запрокидывает, струям воды небесной лицо подставляя.

Перед внутренним взором калёным железом выжгли, кажется, юношу хрупкого, изломанной куклой сейчас на его диване свернувшегося в клубок тесный, и глаза заплаканные в подушке прячущего.

Горло удавкой душит. Саша этот мир не-на-ви-дит.

С его губ рык почти звериный срывается.

Не задохнуться

Ярик по лестнице вихрем слетает, на улицу выбегает, сгибается и ладонями в колени упирается. Сердце стучит безумной чечёткой, дыхание, кажется, вообще больше никогда в норму не придёт. Он головой трясёт, будто морок стряхнуть пытается, и стонет негромко, признавая, что это всё, к счастью ли, к горю ли – реальность.

Он выпрямляется резко, взгляд к небесам возводит, замирает на долгий миг, за который события вчерашнего дня восстановить в памяти пытается. Они до ужаса чёткие и острыми почему-то ощущаются, словно хрусталь ломкий.

Ярик задыхается немного, когда вспоминает о том, *что* он вчера рассказал своему новому знакомому. Всё. Почти без единого умолчания.

Его страхом животным прошивает, он невольно в сторону от идущего мимо человека отшатывается и до скамейки, первой попавшейся, добредает. Его сейчас слишком сильно оглушает осознание, что он по сути чужому человеку доверился без задней мысли, открылся полностью.

Тот парень – «Саша, – напоминает он себе», – словно плащ спокойствия некоего за спиной носит и укрывает им всех, рядом находящихся. Ярик, в его квартире оказавшись, неуютно поначалу себя чувствовал, настороженность в груди таил, но стоило тёмной хвое приглашающе к беседе блес-

нуть, как его прорвало. Вся та стена, столь упорно возводимая им и защищавшая его от окружающих, рухнула, пеплом рассыпалась.

Саша слушал внимательно, не перебивая, лишь руку его один раз сжал, когда почувствовал, что Яру сломаться недолго осталось. И Ярик доверился ему. Доверился, как никому прежде, хотя и видел всего пару раз мельком.

Ярик чувство долгожданного облегчения почувствовал, когда рассказ свой закончил, но ещё большего, когда Саша остаться разрешил. Яр ему безумно за это благодарен был. Он один, наедине с собственными мыслями, оставаться боялся. Ему на уровне подсознания казалось, что тень с кладбища вернётся и за собой утащит.

Ярик себя ещё ни разу настолько защищённым не чувствовал, как в эту ночь, лёжа на стареньком диване совершенно незнакомого человека, который почему-то решил все его проблемы выслушать, а перед этим с ума сойти окончательно не дал.

Яр голову вскидывает, из воспоминаний вырываясь, на дом, стоящий рядом, смотрит, окно одной из квартир взглядом цепляя. Встаёт и уходит торопливо, жгучее чувство стыда ощущая. Но он просто не может сейчас вернуться и посмотреть в глаза человеку, который его настолько изломанным увидел, который весь его рассказ, смешанный с нотами почти истеричными, выслушал. Ярик боится идти к нему. Боится увидеть отвращение в тёмных радужках.

Яр обещает себе, что больше в жизнь этого человека не попадёт, не будет его своими проблемами нагружать.

Ярику кажется, что ощущение покоя и защиты рассеивается вместе с тем, как он от Сашиного дома уходит.

Ярику кажется, что он спиной взгляд укоризненный и сочувственный ощущает и вспоминает слова, сказанные Сашей вчера: «Ты прийти ко мне можешь, если снова плохо будет».

Ярик всё же не оборачивается.

Саша на стук робкий в дверь морщится недовольно. Он от монитора компьютера взгляд отрывает и на часы бросает. Девять вечера. Кому он понадобился?

Встаёт, потягиваясь с наслаждением, и неторопливо к двери подходит, мысленно кляня себя, что до сих пор глазок не поставил. Приоткрывает и замирает невольно.

На Ярика, мнущегося на пороге и взгляда не поднимающего, смотрит будто на зверя диковинного. Спустя долгий миг молчания, спрашивает наконец:

– Ты... Ты ко мне?

Как будто это и так не понятно.

– Да. Ты... Ты прийти разрешил. Тогда. Если плохо будет.

– Разрешил, – Саша кивает несколько заторможено, на косяк опирается рукой, словно силы схлынули куда-то. – Но ты тогда исчез, и я решил, что больше тебя уже не увижу.

«Я наделся на это», – мысленно добавляет Саша, взгляд,

всё же робко вскинутый, перехватывая.

Ярик на Сашу сейчас смотрит настолько больной и измученной серостью возле зрачка черного, что его передёргивает. Саша успел у людей разные взгляды увидеть за свою жизнь, но столько отчаяния, с надеждой смешанного, в глазах чужих читал редко.

– Заходи, раз уж пришёл, – вздыхает тихо Саша, внутрь его пропуская.

Ярик юркает быстро в квартиру, обувь снимает, куртку на вешалку бросает и за Сашей в комнату идёт. Он чувствует почти, как изнутри его тепло наполняет, и холод убивающий разбивается на осколки, которые лишь царапаются, но не наносят смертельных ран.

Саша к нему разворачивается, руки назад откидывая и на стол опираясь. Смотрит вновь внимательно, высчитывает словно что-то мысленно. Ярик взгляда этого не выдерживает, глаза отводит от пытливой хвои, с мыслями собирается.

– Я некрасиво тогда поступил, сбежав. Прости меня, Саша, если сможешь. Просто ты... Ты узнал всё в тот вечер. Ты все мои слабости увидел, а я... не привык их показывать. Я не понимаю, как, но ты мне словно сил дал. Будто... магия какая-то? – Ярик и сам головой трясёт, слова свои же и предположения опровергая. – Я думал, что больше не буду в твою жизнь влезать. Думал, мы не встретимся больше, и всё. Это будет просто... Просто будет. Но... Мне страшно, Саш, – он глаза поднимает, смотрит с мольбой затаённой. –

Она... снова приходила.

– Кто, она? – у Саши в голосе усталость нескрываемая и обречённости какой-то доля.

– Тень та, которую ты прогнал. Когда вытащил меня. Я подумал, что её все должны видеть, ты же видел, но... вижу только я. Я... Я с ума схожу, наверное. Ты прав в принципе будешь, если просто меня сейчас за дверь выставишь или в дурдом сдашь.

Ярик губы кривит болезненно, Саша глаза ладонями трёт устало и на монитор взгляд тоскливый бросает. Губу задумчиво прикусывает, представляя, когда и в каком темпе потом нагонять все недоделки придётся. По кнопке выключения на системном блоке быстро пальцами изящными пробегается.

– Ладно, – говорит и кивает скорее мыслям своим, к Ярику шаг делая. – Допустим. Сейчас легче?

Тот к себе прислушивается, замирает, и спустя секунду кивает неуверенно. Саша его взгляд, в котором снова голубизна привычная появляться стала, ловит, опять держит, не прикасаясь. Саша тот вечер помнит всё ещё очень отчётливо.

Ярик ему тогда всё почти рассказал. Почти, потому что Саша чувствовал что-то укрытое от него.

Сашу тогда вместе с ним ломало, кости выкручивая. Саша боялся, что вместе с ним и сорвётся, в этой изломанной душе потерявшись.

– Я любил её безумно... В ней вообще весь смысл этого ми-

ра был. Она единственная была, кто меня понимала и принимала в этой жизни. Только ей до меня дело было. Понимаешь, когда ты пятый ребёнок в семье... Да ещё и вечно болеющий, хилый и надежд многообещающих не подающий... Ты не особенно нужен. Просто лишний рот... А Ира меня не оттолкнула. Первая, кто в душу заглянуть захотела. Я ведь из-за неё с этим делом связался, хотел повышение получить, чтобы жить стало легче хоть немного, а обернулось всё так... Я не хочу жить. Вообще не хочу. Я к ней хочу, но... мне стыдно. Стыдно просто сдаться и уйти, не найдя эту тварь! Он или она стольким людям жизни поломал! Я найду, найду и убью! А потом просто... по венам можно... или с моста... или ещё как-нибудь...

– А если попробовать жить? Ты же её не оживишь своей жертвой? Что если там – только пустота? А здесь у тебя останутся воспоминания.

– Воспоминания... Они и убьют меня, Саш! Я с ума сходить начинаю и мне страшно. Я не хочу безумцем, ни на что в этой жизни не способным, остаться. Оболочкой пустой... Я этого больше всего боюсь – не успеть. Не успеть убийцу найти и сорваться.

– Зачем же на кладбище тогда приходишь? Тебя же там ломает сильнее, чем просто в водовороте рутины?

– Я... не могу не приходить. Меня тянет туда. Безумно к ней тянет... Ты любил когда-нибудь? По-настоящему?

– Нет. Я никого не любил, Яр. Никогда.

Саша из круговерти, в его голове пронёсшейся, вырывается, снова на взгляде напротив концентрируясь. Голубизна ярче становится, серость почти окончательно вытеснив, и Саша глаза прикрывает устало, покачивается невольно.

– Саш? – испуганное слышит.

– Это ничего, – уголком губ дёргает, слепо за спинку стула цепляясь и опору снова обретая. – Голова закружилась.

Глаза открывает, тут же с недоверчивостью, вокруг Ярика почти клубящейся, встречаясь. Улыбается уже искренне. Ему этот мальчишка нахохлившегося воронёнка напоминает, с чёрным гнездом на голове.

– Но как ты это делаешь?

– Что именно? – Саша бровь гнёт вопросительно.

– Ты же... силы возвращаешь. Или свои отдаёшь. Я не понимаю!

– А может и не надо? – повторяет тот уже когда-то сказанное и отворачивается. – Пойдём, чаем угощу, а ты поведаешь мне о своей... тени.

– Не пойму, ангел ты что ли мой? – бормочет Ярик, на табуретке с ногами пристраиваясь.

Саша замирает, плечи как-то странно горбит, усмехается горько, к Ярику лицом не поворачиваясь, отвечает:

– Вот уж не думаю. Смотри сам – крыльев же нет!

И смеётся. Яр почему-то легко угадывает боль, умело скрываемую в чуть посеревшем взгляде зелёных глаз, хотя

Саша всё ещё спиной к нему стоит. У Ярика вопросов только больше становится, но он язык прикусывает, боясь, что прогонят.

– Давай, рассказывай, про гостью из другого мира.

Саша напротив садится, чашку к нему толкая, и на спинку стула откидывается, глаза чуть прикрывая. Ярик в его позе лишь спокойствие читает, но какое-то напряжение, настороженность нутром ощущает.

Ярик на миг глаза закрывает, вспоминая, и говорить начинает быстро, слова глотая. Его сразу же крупная дрожь прошивает.

Он перестал с того дня на кладбище ходить, не то с Сашей боясь снова встретиться, не то с тенью. Он снова углубился в расследование, собирая данные из газет, и о новом убийстве узнал. Хотел было в участок пойти, попросить у бывших коллег хоть какой-то информации, закрытой от прессы, но передумал в последний момент. Ощущение, что ему ничего не скажут, огрело слишком сильно.

Ярик всё пытался какую-то закономерность вычислить, но у него ничего не получалось. Он почти каждую ночь по улицам мотался, в глупой надежде, хоть так встретиться с убийцей, но и это не принесло успеха.

Спустя полмесяца после знакомства с Александром, он рискнул пойти на кладбище. Однако стоило ему оказаться рядом с могилой Иры, как приступ, намного сильнее преж-

него, накрыл его с головой. Яр задыхаться стал, будто кто-то невидимый на его горле пальцы сжимал, медленно жизнь отнимая. Он невольно сознание стал терять, от нехватки кислорода. Мысль о пламени зелёных глаз словно позволила ему разум на миг прояснить.

Ярику показалось, что даже тот невидимый, кто его так отчаянно убить пытался, испугался этой мысли. Ярику уже плевать было, кем является Александр – колдуном, нечистью или ангелом небесным – он просто дёрнулся, о той странной силе, которой этот человек обладал, подумав. И пальцы разжались.

Яр бросился прочь настолько быстро, насколько позволяли силы. Остановившись на миг, он увидел ту же самую тень. В голове пронеслась только одна мысль: «Ты приходи можешь, если снова плохо будет», и Ярик побежал к дому, адрес которого не забылся за эти долгие две недели.

Саша слушает его внимательно, порой лишь странно как-то глядя из-под устало опущенных ресниц. Саша устал от этой жизни безумно, но выгнать свалившуюся на голову проблему, почему-то не может. Хотя хочет один остаться отчаянно.

«Сам умереть не дал, когда тот хотел, вот теперь и мучайся», – мелькает у Саши в голове, и он в ответ своим мыслям вздыхает тяжело, на ноги поднимаясь.

Ярик молча за Сашиними движениями наблюдает, рас-

сказ свой закончив. Он не понимает ничего совершенно, но не верит больше ни на йоту, что в Саше силы, какой-то не от мира сего, нет. Ярик к себе прислушивается, и только лишь тепло живое ощущает.

– Тебе не стоит больше на то кладбище ходить, если жить хочешь. Они из тебя рано или поздно все силы вытянут, и моя метка не поможет. – говорит Саша наконец, к окну отворачиваясь.

– Твоя метка? Они? – растерянно переспрашивает Яр, едва со стула не падая.

– Тени умерших. Метка моей силы, – коротко поясняет Саша будничным тоном.

– А если немного поподробнее? – осторожно пробует Яр, прямую спину своим взглядом буравя.

– А если нет? – хмыкает в ответ Саша, к нему поворачиваясь и глаза поднимая.

– Ты... колдун?

Саша головой качает.

– Пришелец?

Снова нет.

– Тень тоже какая-то?

Саша уже улыбки сдерживать не может. Его эта игра самого забавлять начинает.

– Ангел?

– Уже говорил, что, нет.

– Но кто же ты?

– Саша. Просто Саша.

– Маг, просто маг, – бормочет Ярик, и Саша, не выдерживая, смеётся в ответ.

Звонко смеётся. Искренне как-то. Не наигранно, как люди сейчас любят.

– Ты упрекаешь меня в том, что я будто не от мира сего, а сам веришь в потусторонние силы, – Саша голову наклоняет, глаза прищуривая. – И кто из нас после этого не от мира сего?

– Ты. Это ты каким-то образом метки ставишь и тени отгоняешь.

– Ребёнок, – фыркает Саша, окончательно развеселившись. – Воронёнок.

– Эй! Мне уже двадцать три!

– Образец взрослости, – неожиданно серьёзно кивает Саша.

Но серьёзное выражение лица ему не долго удаётся удержать. На щеках снова ямочки проступают от невольной улыбки. Он Ярику на зеркало, стоящее в комнате, подбородком указывает. Тот с некоторым непониманием к нему подходит.

Оттуда на него смотрит худощавый, невысокий паренёк, с взъерошенными чёрными волосами, острыми чертами бледного лица и несуразно большими, ярко-голубыми сейчас, глазами. Ярик и сам фыркает – образец взрослости.

Саша сзади подходит, рядом вставая. Ярик в зеркале на

него взгляд бросает. В тот день на кладбище он его за своего ровесника принял, а сейчас усомнился невольно. У Саши черты лица вроде бы юношеским чем-то отдают, но в едва заметных линиях морщин, прочерченных явно тревогой и никем более, в скулах, недосыпом оставленных, что-то иное залегло. Опыт. Причём горький. Саша улыбается тепло, и в зелёных глазах снова пламя хвойное полыхает, золотые искорки возле чёрного зрачка рассыпая.

Ярик поворачивается лицом к нему, на уровне плеча его головой своей оказываясь, и взгляд скидывает. У Саши в глазах любопытство с настороженностью мешается.

– А тебе сколько лет? – спрашивает Яр неожиданно, Сашу на миг в ступор вгоняя.

– Двадцать девять, – чуть помедлив, отвечает он.

Теперь уже Ярик на время замирает, а после кивает своим каким-то мыслям. Неожиданный drobный стук в дверь его подскочить вынуждает. Саша взгляд на ту переводит, в котором обречённость с непониманием смешивается.

– Кого ты ко мне притащил? – едва не стонет он, на Яра снова глядя.

– Я...? Никого!

– Если там тени, то я даже вмешиваться не буду – сами разбирайтесь.

Ярика ужасом прошивает от равнодушного спокойствия в Сашином голосе. Он просто никак не может принять всего этого – тени, метки, сила... Он то ли в сказку попал, то ли

в кошмар.

– Саш, это я! – раздаётся женский голос.

Яр не успевает разобрать чего в Сашиных глазах больше – облегчения или недовольства. Саша дверь отпирает, бор-моча устало:

– Вы все меня сегодня добить решили.

– Мы? – уточняет девушка, встряхивая русыми волосами, в которых рыжие отблески мелькают.

– Вы, – всё также спокойно подтверждает Саша, на Ярика плавным жестом руки указывая.

На Ярика ещё одна пара зелёных глаз обращается, только они уже карим оттенком в глубине отливают.

Ярик мнётся, не зная, как себя вести. Девушка тоже потерянной немного кажется, взгляд вопросительный на Сашу бросает, но тот лишь плечами неопределённо передёргивает.

– Я, Вера, – та улыбается, руку протягивая.

– Ярик, – отвечает он, хрупкую ладонь в своей несильно сжимая.

Вера голову задумчиво немного наклоняет, смотрит внимательно, Сашину любимую позу копируя. У неё губы, нежно-розовые, мягко изгибаются, на щёчках ямочки проступают. Она тепло и дружелюбие излучает, не в силах его сдерживать будто. Саша почему-то глаза закатывает, на Ярика замершего глядя.

– Я, наверное, пойду, – неожиданно выходит из кратковременного ступора Ярик, торопливо к вешалке пролезая. –

Саш, спасибо тебе за всё, что ты сделал для меня. Я... Если я чем-нибудь могу тебе помочь...

– Ты лучше себе сначала помоги, – без тени насмешки отвечает Саша, Веру одной рукой за талию обнимая и к себе притягивая.

Вера голову доверчиво ему на ключицу откидывает, щекой трётся, глаза прикрыв. Ярик всё же со шнурками на обуви справляется и говорит:

– Саш, прости, что я так вот являюсь и своими проблемами тебя нагружа...

– Можешь являться, – не даёт ему договорить Саша. – Только не притащи с собой ещё кого-нибудь.

Ярика лишь на тихое: «Спасибо», хватает, и он вылетает буквально из чужой квартиры.

– И что это сейчас было?

Вера отстраняется осторожно, тут же крепко руки на Сашиных плечах сжимая, упасть не давая.

– Я не знаю, – свистяще выдыхает Саша, медленно на пол оседая.

Вера рядом садится, к себе его тянет, позволяет лицом ей куда-то в шею уткнуться, обнимает его крепко, глаза прикрывая и губами беззвучно шевеля. Саша воздух рвано и резко втягивает, отстраниться пытается, но Вера не даёт, сильнее пальцы на его спине в замок переплетая.

– Не нужно... – вяло отбрыкивается он.

– Нужно.

Саша покорно в её руках обмякает, почти безвольной куклой повисает, дыша тяжело и хрипло. Вера вдруг глаза резко распахивает – они ярко-карим огнём полыхают. Руку одну убирает, Саше в волосы пальцы запуская. Саша под её прикосновения подставляется охотно, ластится по-кошачьи.

– И всё же что это было? – повторяет Вера свой вопрос, ему в макушку подбородком упираясь.

– И всё же я не знаю.

Вера по голосу слышит, что Саша улыбается, и выдыхает едва слышно. Улыбается, значит, его уже отпустило.

– Со мной это не пройдёт, Саш. Почему ты его вытащить решил?

Саша рычит чуть недовольно, вырывается всё же, в глаза напротив заглядывает и на ноги поднимается.

– Я не знаю. Мне его... стало жалко. Он ведь ещё ребёнок совсем. Глупый, наивный и... изломанный.

– Таких много, – Вера головой качает, тоже поднимаясь. – Ты не из-за этого.

– А из-за чего, Вер? – Саша её поддерживает, упасть не дав. – Говорил же, что не стоило, – бормочет тихо.

– Стоило, – эхом откликается она и спрашивает внезапно, – А какая она у него?

– Хрустальная, – чуть помолчав, отзывается Саша, вздыхает устало и договаривает всё же, – и треснутая. По диагонали треснутая.

Вера вздрагивает, взгляд вскидывает испуганный и встре-

воженный. В Сашину руку вцепляется, до боли его запястье сжимая.

– Так ты... Ты... Ты из-за этого?

– Возможно. Я... Я не знаю, Вера! – у Саши в голосе отчаяние мелькает. – Я устал! Устал, устал, устал!

Она ловит его, уже подорвавшегося куда-то бежать, к себе прижимает, по крыльям лопаток, напряжённым, гладит, шепча что-то успокаивающее. Она ресницы мокрые, ей шею щекочущие, чувствует, в висок его целует, глаза прикрывая и боль пытаюсь себе забрать.

– Тише. Тише, Саш. Дыши. Дыши со мной.

Она вдох нарочито громкий делает, слыша, как он повторить за ней силится, срываясь на хриплый стон. Она повторяет, пальцами чутко по позвоночнику проходит, в биение суматошное сердца чужого вслушивается. Саша вдох наконец глубокий и ровный делает, чуть расслабляясь в её руках.

– Вот так. Молодец. Дыши, Саша. Дыши.

Вера выдыхает, чувствуя, как сознание в манящую темноту соскальзывает, и как её руки сильные подхватывают, упасть не давая.

Не страшно?

Саша очередную дежурную улыбку из себя давит, руку чужую пожимая и диск в поблёскивающей новой упаковке протягивая.

– Здесь то, что вы заказывали. Всё передано в точности до пикселя.

– Я охотно верю вам, Александр, но всё же не могли бы вы подождать, пока мои сотрудники проверят, чтобы у нас после не было недоразумений?

– Конечно. А где здесь выход на крышу? – не меняя тона, интересуется Саша.

– На крышу? – удивлённо уточняет юноша. – Третий лестничный пролёт. Справа.

– Спасибо. Я там буду. Воздухом подышу.

– Хорошо.

Саша от молодого бизнесмена отворачивается чуть поспешно, хвоей яркой в полутьме сверкая, и уходит в указанном направлении.

Ветер на крыше ему волосы треплет, по лицу хлёстко ударяя. Саша к некоему бортику подходит, руками на него опирается, голову вниз склоняет. В горле рык вибрирующий стихать в этот раз не торопится, как и желание со всей силы кого-нибудь ударить исчезать не спешит.

Саша выдыхает резко, вскидывается по-звериному,

взгляд вниз бросает. Этаж пятнадцатый где-то... Вот бы вниз шагнуть и все устои моральные и личные послать, просто сказка ведь, но...

– Да ты издеваешься, – Саша это скорее устало бормочет, чем со злостью, и оборачивается неохотно.

Да, так и есть. Ну почему он не мог хотя бы раз ошибиться?

Воронёнок этот на другом конце крыши стоит, глазищами огромными хлопает растерянно. Саша губы кривит в усмешке горьковатой, по теням чёрным, под голубыми омотами залёгшим, взглядом пробегает, по скулам заострившимся.

– А я... – Ярик явно не представляет, что говорить.

– А ты что здесь делаешь? – подсказывает Саша. У него никак не получается от нотки грубости избавиться, слишком внутри всё клокочет.

– Я к другу пришёл. Он... помочь мне обещал.

– С крыши прыгнуть? Что, решил больше не бороться, по прямой дорожке пойти?

Ярик вздрагивает от яда, так и сквозящего в словах Саши, и голову вскидывает в непонимании. Он его не узнаёт совсем и не понимает, чем так разозлить успел. С той их встречи месяц уже прошёл, а сейчас они ещё и не говорили даже, так почему Саша так пытается ему побольнее сделать?

– Напротив, – Яр всеми силами старается бешенство в потемневшей хвое не замечать, – у него сведения есть, которые мне помочь могут. Я, кажется, зацепку нашёл.

– Что ж, мои поздравления! Такими темпами ты к ста годам убийцу и найдёшь.

Саша жмурится, кривится болезненно. У него ладонь к виску дёргается, прохладой своей боль заглушить пытаюсь. Саша рычит невольно, когда приближение Ярика чувствует – шлейф метки остался.

– Саш? Саш, что с тобой?

В его голосе беспокойства за чужого по сути человека слишком много. Саша головой мотает, когти, изнутри дерущие, усмирить пытается. Шепчет тихо:

– Уйди, Яр! Просто уйди!

Ярик замирает, шаг заветный до Саши не дойдя. Смотрит с непониманием, со страхом, в посеревшем взгляде появившемся. Он колеблется, но увидев в резко распахнувшихся глазах отблеск тёмный чересчур, отшатывается невольно.

– Жутко, да? – холодно интересуется Саши, улыбаясь криво, а скорее скалясь. – Почему же ты не уйдёшь?!

Эта фраза уже скорее воем отчаянным звучит, мольбой какой-то.

– Тебе же... плохо? – Ярик потерянным совсем кажется, и ещё больше на подростка смахивает в этот момент.

– Да почему тебя это волнует? Я же чужой тебе!

Саша со всей силы кулаком в стену ударяет, костяшки в кровь сбивая и губу закусывая. У него в голове вихрь безумный все мысли путает, в груди – будто рёбра ломают по одному. «Уйди, уйди отсюда!», – бьётся где-то на периферии

сознания.

– Но ты ведь спас меня. Дважды.

Ярик инстинкт самосохранения отправляет в самые дебри своей сущности, подавляя желание реально сбежать отсюда. Он боится, ему страшно смотреть на то, как безумие человека ломает, но бросить его он не может. Был бы незнакомец – уже по лестнице давно бы унёсся, но ведь этот человек его самого вытаскивал из трясины отчаяния липкого. Только вот Ярик и представить не мог, что на душе у самого Саши похоже метания намного страшнее.

– Всё ещё пытаешься во мне что-то светлое видеть? Ангела ищешь? Защитника светлого?

Сашу трясёт всего, его судорогой выкручивает до тёмных пятен перед глазами. Он слепо за стену цепляется, но рука соскальзывает, ещё ссадин добавляя этим. Саша за эту боль ухватиться пытается, но пелена в этот раз только усмехается над ним жестоко, вырваться не давая.

– Мне и друга бы хватило, – тихо отзывается Ярик, шаг вперёд делая и на рык внимания не обращая.

Напрасно.

Ярик в себя приходит только когда, уже висющим на краю крыши, оказывается. Пальцы чужие, изящные до неправильности, держат крепко за тягучую ткань спортивной чёрной кофты. Ярик спиной холод бортика чувствует, сердца стук бешеный в ушах отдаётся, оглушая.

В глазах напротив ледяная, острая хвоя. Кажется, этим

взглядом глотки резать можно. Ярик замирает, подавляя желание дёрнуться, хоть как-то вырваться попытаться – боится. Он силу, исходящую от этого человека, сейчас ощущает как нельзя чутко. Видимо страх все чувства обострил.

– Ну что, ангел я? А если руку разожму?

Ярик не понимает, почему его именно слова про ангела тогда так задели.

– Саш? Саш, но это же не ты. Ты не отпустишь меня.

Ярик свой голос будто со стороны слышит – испуганный, хриплый. А чего хотеть, когда тебя над пропастью только рука человека, с ума похоже сошедшего, держит?! Он вообще не понимает, как эти слова у него с губ сорвались.

Саша жмурится снова, словно свет резанул со всей силы по глазам. Моргает часто, рывком Ярика на крышу затягивает, в сторону отбрасывает. Ярик падает безвольной куклой, ладони обдирая. Взгляд настороженный вскидывает, внутренне подбирается, к прыжку готовясь.

Саша на полу корчится в судороге болезненной, в клубок сжаться будто пытается. Руку выбрасывает, отмахиваясь ей, отгоняя словно. Шепчет хрипло:

– Уйди, во имя всех сил этого мира!

Ярик подскакивает и прочь бросается в тот же момент.

Он пока вниз по лестнице бежит спотыкается несколько раз, падает, ладони в конец раздирая. Но встаёт также быстро, дальше бежит.

– Яр, ты чего?!

Игорь его почти что ловит, когда у Ярика ноги подкашиваются.

– Яр?! Ярик?!

– Вс-с-сё в по-о-о-рядке, – кое-как давит Яр, снова опору находя и удерживаясь в стоячем положении уже без чьей-либо помощи.

– В порядке?!

Друг его за руки хватает, на ладони, исполосованные, с ужасом глядя.

– Упал.

Яр плечами пожимает, голос заставляет не дрожать, но по тревожному тёмному взгляду напротив понимает, что сделать вид, будто ничего не случилось, не получится чисто физически. Нет же у него театрального.

– Пойдём в мой кабинет, нужно обработать.

– А бумаги?

– Пойдём, – с нажимом повторяет тот, тяня его за собой за хрупкое запястье.

– Да ты ненормальный.

Ярик с этим сейчас полностью согласен. Он на Сашу, устало привалившегося к косяку входной двери, смотрит из-под чёлки чёрной, на глаза упавшей. Во взгляде напротив лишь серость обычная, пепел словно после пожарища.

– Зачем ты пришёл?

Ярик в голосе кроме усталости безграничной ничего вы-

членить не может. Перед ним словно другой человек стоит. Нет. Не так. Тот человек, что был на крыше – вот он был другой. А это просто Саша. Тот самый Саша, который его с кладбища вытащил.

– Я хотел удостовериться, что с тобой всё в порядке.

И он не лжёт ни разу. У него реально кошки на душе скребли, стоило силуэт, изломанный, на крыше вспомнить и боль ту, в хвое затаившуюся.

– А тебе не страшно, нет?

У Саши в глазах ожидание какое-то появляется, болотный оттенок с собой принеся. Ярик молчит минуту, пытаюсь в осторожной мимике напротив что-то отыскать.

– Страшно, – решает честно ответить он. – Но и за тебя тоже страшно было.

Саша о косяк лбом ударяется, глаза прикрывая и тихо постанывая невольно. Боль в голове всё ещё до конца не утихла, и всё, о чём он сейчас мечтает – это остаться одному.

– Но теперь-то ты убедился, что я живой, что со мной нормально всё, и пойдёшь спокойно домой? – он Ярику ответить не даёт, взгляд вскидывая и продолжая. – А ещё лучше будет, если ты и дорогу сюда забудешь и про меня вообще. Просто продолжай искать того убийцу и прости мне мои сегодняшние слова, если сможешь. Про мои действия даже не заикаюсь. Реально, уходи, Яр. Сегодняшняя встреча случайной была, она не должна была произойти.

– Но почему? – теряется он.

– Да что ж тебе не живётся спокойно? Забудь всё это просто и вали домой.

Саша пальцы к вискам прижимает, трёт ожесточённо, словно пытаясь боль унять хоть так. В глазах голубых сомнение видит и едва не подвывает от желания просто послать всех и вся. На кой он в тот день прогуляться до кладбища решил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.